

*Моим любимым мальчикам
Силасу и Сильвестру*

1

ВТОРНИК,
31 ОКТЯБРЯ 1989 ГОДА

Подсвеченные солнечными лучами желтые и красные листья падают на мокрый асфальт дороги, пересекающей, словно темная река, лесной массив. Мчащийся по шоссе белый полицейский автомобиль вихрем взметает их на краткий миг, а потом они складываются в небольшие склизкие кучки по обочинам.

Мариус Ларсен сбрасывает газ, снижает скорость на повороте и напоминает себе, что надо сообщить коммунальщикам: пусть пришлют уборочную машину. Ведь если листья пролежат на дороге подольше, сцепление с дорожным покрытием снизится, что вполне может стоить кому-нибудь жизни. Да Мариус их и раньше сколько раз предупреждал. Он в полиции уже сорок один год оттрубил, а последние семнадцать лет служит начальником местного отдела. И всякую осень приходится говорить об опавшей листве на проезжей части... Впрочем, сегодня он заниматься этим не будет. Сегодня он полностью поглощен подготовкой к предстоящей беседе.

Мариус Ларсен раздраженно крутит ручку радио, но никак не может найти нужную передачу. На всех волнах только новости о встрече Горбачева и Рейгана и слухи о возможном падении Берлинской стены. Полагают, она вот-вот рухнет. И тогда, наверное, начнется новая эпоха.

Мариус уже давно знал, что разговор неизбежен, и все же никак не мог набраться смелости. Жена-то думает, что через неделю он уйдет на пенсию, так что настала пора рассказать ей, как обстоят дела на самом деле. О том, что он не сможет жить без работы. Что уже уладил все формальности и отложил уход на покой. Что никак не готов валяться дома на диване и тупо смотреть «Колесо фортуны»¹, сгребать граблями опавшие листья в саду или резаться в «дурака» с внуками.

Он прокручивает предстоящий разговор в голове, и все вроде бы идет как по маслу, но Мариус знает: жена огорчится. Почувствует себя обманутой, встанет из-за стола, уйдет в кухню, примется драить плиту и, стоя к нему спиной, скажет, что прекрасно его понимает. Но на самом-то деле не сможет она его понять. И потому, когда десять минут назад он услышал на полицейской волне радиосообщение о происшествии, сразу же передал в отдел, что сам отправится на место — и все для того, чтобы хоть ненадолго отложить беседу. Случись такое в обычной обстановке, он сильно разозлился бы, если б ему пришлось держать столь долгий путь через поля и лес к усадьбе Эрумов лишь для того, чтобы попросить хозяев лучше следить за своей скотиной. Уж сколько раз прежде бывало, что у них то свиньи, то коровы прорывались за изгородь и бедокурили на соседских полях, пока либо сам Мариус, либо кто-то из его подчиненных не призывал Эрума к порядку... Но сегодня он ничуть не расстроился, хотя, разумеется, сперва попросил дежурного позвонить Эруму домой и на паромный причал, где тот подрабатывал неполный рабочий день. Ни тут, ни там, однако, никто не ответил, и тогда Мариус развернулся на магистрали и самолично отправился в дальний путь.

¹ В России эта телеигра известна под названием «Поле чудес».

...Он наконец-то находит станцию, передающую датскую музыку прежних лет. Салон старенького «Форда Эскорт» наполняет мелодия «Алой резиновой лодки», и он прибавляет громкость. Мариус наслаждается ездой среди осенних пейзажей; вид деревьев с желтыми, красными и бурыми листьями вперемешку с вечнозелеными доставляет ему удовольствие. Он предвкушает сезон охоты, который только что открылся. Опускает стекло, вглядывается в полотно дороги, на котором пробивающиеся сквозь кроны деревьев солнечные лучи оставляют светлые пятна, и на мгновение забывает о своем возрасте.

На дворе усадьбы стоит тишина. Мариус выходит из машины, хлопывает дверцу — и тут вспоминает, что давненько не бывал в этой глуши. Большая усадьба на вид совсем заброшена. Стекла в окошках хлева разбиты, штукатурка на стенах дома облупилась, а качели на заросшей высоченной травой лужайке почти полностью скрылись под ветвями окаймляющих участок огромных каштанов. Покрытый гравием двор весь усеян их плодами; они чавкают у Мариуса под ногами, когда он идет к входной двери дома.

Трижды постучав и позвав Эрума, Ларсен понимает, что ему не откроют. Не обнаружив в доме никаких признаков жизни, он достает блокнот, пишет записку и опускает ее в прорезь для почты. И в этот момент две вороны, пролетев над двором, скрываются за стоящим перед сараем трактором «Фергюсон». Мариус ехал в такую даль, погруженный в мысли о незавершенном деле, — а теперь вот еще придется сделать большой крюк и пилить на пристань в поисках Эрума... Но это обстоятельство омрачает его настроение лишь на миг. На пути к машине Мариуса внезапно посещает классная идея. Вообще-то такие озарения у него никогда ранее не случались, так что, пожалуй, ему повезло, что он отправил-

ся сюда, а не поехал сразу домой на беседу. Да, он прольет жене бальзам на рану и предложит ей съездить в Берлин. Они могут выбраться туда на неделю... ну, в крайнем случае на уикенд, как только у него высвободится время. Поедут они своим ходом, чтобы почувствовать, как творится история, как начинается новая эпоха, попробовать *knödel mit sauerkraut*¹, как тогда, давным-давно, когда они вместе с детьми совершили поход с палатками по Гарцу...

Уже почти подойдя к машине, Мариус вдруг понимает, почему вороны толкуются за трактором. Они переминаются с ноги на ногу на чем-то белом, бледном и бесформенном, что при ближайшем рассмотрении оказывается свиной тушей. Глаза у свиньи мертвые, но тело еще бьется в конвульсиях, дергается, точно пытается отпугнуть ворон, выклевывающих пищу из большого открытого пулевого отверстия на загривке.

Мариус открывает дверь дома. В прихожей темно; он чувствует запах сырости и грибка и чего-то еще, но чего именно, определить не в состоянии.

— Эрум, это полиция.

Никто не отвечает, но ему слышен шум воды, вытекающей из крана где-то в глубине дома, и он входит на кухню. На стуле за обеденным столом сидит девушка лет шестнадцати-семнадцати; ее обезображенное до неузнаваемости лицо покоится в тарелке с овсяными хлопьями. На покрытом линолеумом полу, по другую сторону обеденного стола, лежит еще одно бездыханное тело. Это парень, тоже тинейджер, чуть старше девушки, с большим пулевым отверстием в груди. Он застыл в странной позе, как-то неловко прислонившись к кухонной плите. Мариус замирает. Конечно же, ему и раньше случалось видеть мертвецов, но такого ужаса встречать никогда не доводи-

¹ Картофельные фрикадельки с кислой капустой (нем.).

лось. Однако парализовало его лишь на миг, и вот он уже достает служебный пистолет из кобуры на поясе.

— Э-эрум?!

Идет дальше, продолжая звать хозяина дома, но теперь держит пистолет перед собой. Еще один труп он обнаруживает в ванной комнате, и на сей раз ему приходится зажать рукой рот, чтобы его не вывернуло наизнанку. Вода бежит из крана в ванну, уже и без того заполненную до краев. Она выливается на мозаичный пол и, смешиваясь с кровью, течет в сторону сливной решетки. Обнаженная женщина, по всей вероятности мать семейства, лежит в неестественной позе на полу. Одна рука и одна нога у нее отсечены от торса. Позднее в акте вскрытия будет указано, что они отрублены топором, которым женщине было нанесено еще множество ударов. Сперва — когда она еще лежала в ванне, а потом — когда попыталась убежать от убийцы — на полу. В акте отмечалось также, что женщина вначале защищалась руками и ногами, по каковой причине они у нее были раздроблены. А лицо обезображено до неузнаваемости, поскольку тем же топором ей размозжили череп.

Увидев такую картину, Мариус Ларсен уже готов прекратить дальнейшие поиски, но внезапно краем глаза он замечает в помещении слабое движение. Под брошенной в угол душевой занавеской угадывается какая-то фигура. Мариус осторожно откидывает ее край и видит мальчика лет десяти-одиннадцати с взлохмаченной головой. Его вроде бы недвижимое тело лежит в луже крови, но прикрывающий рот краешек занавески слабо и прерывисто вибрирует. Мариус резко наклоняется, отбрасывает ее в сторону, берет безжизненную руку подростка и пытается нащупать пульс. Конечности мальчика все в порезах и царапинах, на нем окровавленные майка и трусы, а у

головой валяется брошенный топор. Мариус наконец-то находит пульс и быстро выпрямляется.

В гостиной он лихорадочным движением срывает трубку с телефонного аппарата, сбивает на ковер стоящую рядом с ним полную окурков пепельницу. «Скорую!» Опергруппу! Немедленно! Эрум бесследно исчез. Поднимай людей! Быстро! Положив трубку, Ларсен собирается было вернуться к мальчику, но тут вспоминает, что в доме должен быть еще один ребенок — ведь у пацана есть сестра-близняшка.

Мариус оглядывается и направляется в прихожую к ведущей на второй этаж лестнице. Проходя мимо кухни и открытой двери в подвал, внезапно останавливается и заглядывает вниз. Оттуда донесся какой-то звук. То ли ступенька скрипнула, то ли шаркнул кто-то. Но теперь вокруг снова тишина. Мариус опять достает табельное оружие. Распахнув дверь настежь и осторожно ступая по узким ступенькам, спускается вниз и оказывается на бетонном полу. Глаза его быстро привыкают к темноте, и вот он уже видит в конце коридора открытую дверь, ведущую из подвала на двор. Тело отказывается повиноваться ему, словно желая предупредить, что здесь следует остановиться, дожидаться «Скорой» и коллег. Но он думает только о девочке. Подойдя ближе к двери, обнаруживает, что она взломана: замок с проушинами валяется на полу. Мариус входит в помещение, лишь слабо освещенное пробивающимся сквозь грязные подвальные окна в верхней части стены дневным светом. Тем не менее он сразу же различает фигурку маленькой девочки, прячущейся под стоящим в углу столом. Стремительно подбегает к нему, опускает пистолет, наклоняется и заглядывает под столешницу.

— Всё в порядке. Больше ничего плохого тебе никто не сделает.

Лица девочки ему не видно; он замечает только, что она вся дрожит и, не глядя на него, еще больше вжимается в самый угол.

— Меня зовут Мариус. Я из полиции. Я помогу тебе.

Охваченная страхом девочка не двигается с места, словно вовсе не слышит его. Тут Мариус обращает внимание на обстановку подвала. Он оглядывается, и пусть не сразу, но до него все-таки доходит, *что* здесь происходило. Ларсен содрогается от омерзения. Он бросает случайный взгляд через дверь в смежную комнату и замечает там ряд неровных полок. Открывшаяся картина заставляет его забыть о девочке и подойти ближе. Полки уставлены каштановыми человечками, мужчинами и женщинами. А еще — зверюшками, тоже выполненными из плодов каштана. Большими и маленькими, наивными по исполнению и неприятными на вид. Некоторые из них не закончены, какие-то деформированы. Фигурок так много, что Мариус даже не в силах с ходу их сосчитать. Он поражается их количеству и разнообразию форм, и вид этих фигурок приводит его в беспокойство, точно они предупреждают об опасности.

Тем временем в помещение входит мальчик и оказывается у него за спиной.

Мариус напоминает себе, что надо попросить криминалистов разобраться, взломана ли дверь в подвал изнутри или снаружи. Ему вдруг приходит в голову мысль, будто нечто жуткое вырвалось на волю, точно сломавшая изгородь скотина. Но когда он поворачивается лицом к мальчику, мысли его начинают разбегаться, словно гонимые ветром мелкие облачка на небе. Лезвие топора врежется ему в челюсть — и наступает мрак.

2

ПОНЕДЕЛЬНИК, 5 ОКТЯБРЯ, НАШЕ ВРЕМЯ

Голос звучит повсюду в вечерней темноте. Он тихо нашептывает ей глумливые слова, он заставляет ее подниматься, когда она падает, и лихо кружит ее на ветру. Лаура Кьер уже больше ничего не видит. Она уже больше не слышит шума листвы и не ощущает холода травы под ногами. И единственное, что еще осталось в ее жизни, — это голос; он все шепчет и шепчет в промежутках между ударами стержнем с шаровидным наконечником. Ей кажется, что, прекрати она сопротивляться, голос, может быть, замолкнет. Но он не замолкает. Как и не прекращаются удары, и в конце она уже и пошевелиться не в силах. Слишком поздно ощущает острые зубцы какого-то инструмента у себя на запястье. И, прежде чем лишиться сознания, слышит звук готовой к работе электропилы, полотно которой вгрызается ей в руку.

Потом она уже никак не может сообразить, сколько времени находилась в обмороке. Вокруг по-прежнему темь. И все так же звучит голос, будто только и ждал, когда она придет в себя.

— С тобой все о'кей, Лаура? — мягко и нежно звучит он прямо у ее уха.

Но голос не ждет ответа. Ее мучитель на какое-то время сдирает заклеивавшую ей рот ленту, и теперь Лаура слышит свои собственные обращенные к нему просьбы и мольбы. Она ничего не понимает. Она сделает все, что

потребуется. И почему он выбрал ее, за что, что такого она сделала?

Он говорит, что ей это прекрасно известно, наклоняется, приближается вплотную и шепчет ей прямо в ухо, и она чувствует, что он наслаждается моментом. Ей приходится собрать все силы, чтобы различить его слова. Да, она понимает, что он говорит, но не может поверить в сказанное им. Слова его доставляют ей боль, не сравнимую с болью телесной. Ведь этого не может быть. Этого просто-напросто быть *не может*. Лаура пытается прогнать эти слова, словно они порождены окружающим ее безумием. Она хочет подняться и продолжить борьбу, но тело ее сдаётся, и она срывается в истерические рыдания. Да-да, она уже знала то, что он говорит, узнала это некоторое время назад, но не была уверена, и только теперь, когда голос нашептал ей это, она поняла, что догадка ее верна. Ей хочется выкрикнуть все это, но внутренности ее уже подступают к горлу, и, ощущая нежное прикосновение жезла к своей щеке, она, собрав все оставшиеся силы, отталкивает его — и проваливается в мрачную бездну.

3

ВТОРНИК,
6 ОКТЯБРЯ, НАШЕ ВРЕМЯ

За окном начинается светать. Но когда Найя Тулин, дотянувшись до его члена, вводит его себе во влагалище, он еще только начинает медленно просыпаться. Почувствовав его в себе, Найя принимается делать движения тазом взад и вперед. Она обнимает его за плечи, и руки